

Д О ЛЕНИНГРАДА «ЭС» доходит с опозданием в три недели, так что, когда эти «мимодумности» вернутся в ленинградские пределы, Театр им. Ленинского комсомола уже прилетит из Бостона и будет играть в своем полупустом зале.

Не скрою, сперва я хотела писать открытое письмо режиссеру В. Гвоздкову и Театру им. Ленинского комсомола. Но потом поняла — не тот жанр. В контексте сегодняшней нашей жизни случившееся — не повод для возгласов и петиций. В контексте сдвинувшегося времени — это лишь сюжет для небольшого рассказа. Но — сюжет.

Восемь лет назад, перед смертью, Г. Опорков поставил на Малой сцене Ленкома «Чайку». Это был удивительный спектакль, полный тонких и зрелых мыслей, наблюдений, прозрений, надежд, спектакль глубоких и горьких суждений об искусстве, о мучке профессионализма и трагичности затянувшегося дилетантства, о переживаниях и смуте жизни. Это был спектакль обворожительной Аркадиной — Э. Зиганшиной, в нем царила истинная актриса, на смену которой шла другая, новая — Заречная (Н. Попова). Это был спектакль о Театре. На стенах висели старые фотографии, под ними стояли старинные бюро, гримировальные столики, глядели друг в друга зеркала, перед которыми накладывают и снимают гримы... Все — пространство, мысли, дыхание — было скреплено здесь режиссерской волей Опоркова и единоклубных с его стремлениями актеров.

Если бы «Чайка» не была сугубо авторским спектаклем и если бы в ней не жила когда-то Душа театра (не менее дорогая театральным людям, чем чеховская Мировая душа), я не стал бы нынче ломать о бумагу перья.

После смерти Г. Опоркова спектакль сколько-то жил. Потом, с воцарением нового главрежа Г. Егорова, актеры стали покидать Ленком, укоренялись в других театрах и городах. «Бег» нарастал и ширился, и лишь двое исполнителей «Чайки» — В. Тыкке (ассистент Г. Опоркова и Дорн в спектакле) и Н. Попова встретили следующего главрежа — В. Гвоздкова.

Несколько лет назад «Чайка» умерла своей смертью. Декорацию, в которой важна была каждая деталь, списали. Остались память, легенда.

Я не знаю, видел ли вообще В. Гвоздков опорковскую «Чайку»: в те поры он работал, как говорится, в других регионах. Но, получив из США предложение показать в Бостоне «Чайку» Г. Опоркова (которой давно нет, как нет в театре и актеров!), он живо откликнулся, и даже настолько живо, что обозначил себя в приказе (не в афише!) художественным руководителем возобновления.

Возобновления чего? «Чайки» нет уже несколько лет, умер автор спектакля, на восемь лет постарели актеры...

«Груба жизнь...» Как не согласиться здесь с Чеховым?

«Всё на продажу...». Фраза, постоянно сидящая в голове профессиона-

«Груба

ЖИЗНЬ...»

ла. И этим мучился в опорковском спектакле Тригорин — В. Яковлев. Но на продажу — свое, а не чужое...

Собрали актеров из разных театров (не всех: волей В. Гвоздкова Т. Корнишину заменили на новую для Ленкома Л. Красикову. Видела ли она ту «Чайку»?..). И по актерским воспоминаниям восьмилетней давности восстановили что-то, чего театральный Ленинград не видел и что в Бостоне будет названо спектаклем Г. Опоркова.

Понимаю, что посмотреть Америку — это великий соблазн и грандиозные впечатления.

Понимаю рациональные аргументы администрации театра: две недели жизни в Америке, даже при самом безгонорарном существовании, большое материальное подспорье нуждающимся актерам.

Понимаю лирико-ностальгические аргументы В. Тыкке, возобновлявшего спектакль: собираясь на репетиции, мы испытываем редкий восторг, редкое творческое состояние, собираясь вместе, мы только сейчас понимаем что и как хотел Опорков...

Но, убейте, не могу понять, что играют в Бостоне, какое отношение это имеет к спектаклю Опоркова, как вообще можно восстановить нечто, чего нет, и почему столь дорогая театру «Чайка» реанимирована только для США. Почему на продажу — всё?

Не в Елец в третьем классе, а в Бостон (хотя, наверное, тоже в третьем классе и без декораций...). И там, в Бостоне, Н. Попова — Нина произносит сейчас: «Я теперь понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава и не блеск...». И там же, в Бостоне, не имеющий отношения к опорковской «Чайке» новый художественный руководитель Ленкома В. Гвоздков несет свой крест и верует. Только во что? В то, что материализованные воспоминания восьмилетней давности можно выдать за спектакль?

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы... Все жизни, свершив свой печальный круг, угасли... На лугу уже не просыпаются с криком журавли...».

Я помню замечательный спектакль Г. Опоркова. Помню!

И верю, что когда-нибудь уникальные права режиссера — автора спек-

такля будут защищены кодексом, который практики наши станут чтить больше, чем великие, но неведомые им законы профессиональной этики. Верю, что наследие режиссера можно будет защитить и после его смерти. А пока...

Груба жизнь!

Марина ДМИТРЕВСКАЯ.

1991 - 14 февр
Жизнь и сцена - с. 67